

Подпольное звено

Немцы стреляли в самолет с красной звездой. Он метался по небу. А на земле метались дети. Они шли в школу. Они все видели. Прижались друг к другу и шептали:

— Дуля с маком! Дуля с маком! Не сбить вам самолет! Не сбить, не сбить!

И когда самолет ловко ушел из-под огня, дети засмеялись. Тихо, приглушенно. Громко они давно уже разучились смеяться.

— Теперь пошли... в школу, — сказали они друг другу. Это звучало так: «Теперь пошли в тюрьму...» И побрели, как старички.

В школе было все постыло. Тошно, гадко было повторять вслед за учительницей слова, восхваляющие немцев. Бормотали слова угрюмо и воровато, не глядя друг на друга. Горели детские уши и щеки. Лицо учительницы тоже пылало. Она боялась взглянуть на детей. Когда она подходила к доске, чувствовала, как на нее смотрят враждебные глаза.

Дети перестали смотреть на нее с ненавистью только после того, как она разрыдалась перед ними. Это было так. Учительница вошла в класс и, вздрогнув, переменилась в лице. Дети громко и радостно пели:

— В бой за Ро-одину!

Она ни жива ни мертва метнулась к двери, прикрыла ее своим телом, словно хотела задержать голоса, которые рвались за стены класса.

— Ребята, ребята! — заговорила она. — Что вы делаете! Они услышат...

Но дети не могли и не хотели остановиться. Они словно летели с крутой горы. Их бледные, изнуренные лица были полны восторга и решимости.

Они пели, отчеканивая каждое слово.

Учительница поняла, как наболело на сердце у детей, как изголодались они по Родине. Тогда она заплакала. От жалости к ним, к себе, от ощущения своего бессилия.

Песня сразу же оборвалась. И чей-то детский голос шепотом спросил:

— Где наши? Где Красная Армия?

— Не знаю, — ответила она тоже шепотом.

— Они придут?

— Придут.

И все посмотрели на дверь: не подслушивает ли какая-нибудь гадина?

В какой день созрело решение в умах двенадцатилетних? В тот ли, когда Галя Шереметьева увидела, как немцы бьют по лицу пленных красноармейцев? Или в тот, когда на глазах Светланы Овчаренко повесили человека с надписью на груди — «Партизан»?..

Четыре подружки — Света Овчаренко, ее однофамилица Лиля Овчаренко, Галя Шереметьева и Валя Яшина поклялись друг другу, что они будут носить на груди под платьем свои красные галстуки и бороться с немецкими захватчиками. Как бороться? Они еще не знали. У них не было ни опыта, ни знаний, ни советчиков. Им подсказывал инстинкт. Детская душа больше не в силах была молчать. Они начали с того, что тайком написали на стене какого-то дома: «Смерть немецким оккупантам!».

Так появилось в Харькове подпольное пионерское звено. Отдавали ли дети себе отчет в том, какой опасности подвергают они свою жизнь? Сначала — нет. Потом поняли. Но они стали осторожными. Они научились прятать свои чувства даже от родителей. Стиснув зубы, они вежливо кланялись на улице немецким офицерам и проносили мимо них в ведре с углем рукописную листовку собственного сочинения.

Дети стали тайком выпускать стенную газету. Им удалось выпустить несколько номеров. Они вывешивали ее на улицах Харькова – в том районе, где жили. Чаще всего – среди развалин зданий, куда женщины и дети приходили собирать обгорелые щепки для топлива. Они это делали так. Шли с корзинками или ведрами за топливом. На дне лежала газета. Одни из подруг следили, нет ли поблизости полицаев, другие вывешивали газету или оставляли ее на камнях. Потом подходили на улицах к женщинам и говорили им:

– Тетя! Хочешь, я тебе скажу, в каком месте много щепок и угля? Вот иди в Дом проектов, и там, где торчат рельсы, много!

Перед нами – один из номеров, газеты «Пионер-партизан», выпущенный звеном юных патриотов к 7 ноября 1942 года. Она написана карандашом. Крупными буквами – заголовок: «Пионер-партизан».

Тут же нарисована красная звезда и под звездой – лозунг: «Слава партизанам!»

Первая статья: «Товарищи! Завтра – 7 ноября, то есть Великая Октябрьская революция. Давайте же отпразднуем этот день весело и хорошо, несмотря на то, что мы в тылу у немцев».

Вторая статья: «Ребята! Это первая газета, которую мы выпускаем в тылу... Не теряйте присутствия духа. Товарищи! Смело нужно помогать партизанам и бойцам. Г. Ш.».

Здесь вклеен портрет Ленина. Ленин в детстве. Нарисованы два красных флага. А внизу – красным карандашом: «Ребята! Соединяйтесь!»

Третья статья: «Товарищи! Скоро настанет праздник Октябрьской революции, но, конечно, нам не позволят праздновать этот праздник. Но мы будем его праздновать – пускай злятся немецкие псы. Пускай ищут нас – найдут ветра в поле».

И заключительная статья: «Ребята! Мы учимся при немцах в их поганой, противной школе. Они врут нам о наших бойцах небывалые басни. Мы – пионеры и потому должны связаться с партизанами. До свидания. Редакция».

...Не всегда детям удавалось вывесить свою стенгазету. Вот выдержки из дневника ученицы 4-го класса Гали Шереметьевой:

«4 декабря. Сегодня газету повесить не удалось. Дед нас прогнал. В лесу было собрание. Завтра День Конституции.

5 декабря (запись сделана красным карандашом). Праздник! Но не у нас в Харькове. Как обидно! Там праздник, а тут что? Я сказала речь в яру в зоопарке о выборах в Верховный Совет. Пели «Интернационал».

...Овраг в зоопарке был излюбленным местом их сборов. Никто не подозревал, что там делают дети. И теперь представьте себе задавленный немецким произволом Харьков, – он сейчас так знаком всем по судебному процессу над палачами, – представьте себе этих двенадцатилетних детей. Они пробираются в яр. Под их лохмотьями – красные галстуки. Маленькая девочка Галя Шереметьева стоит на ветру и говорит «речь о выборах в Верховный Совет». Потом все садятся на землю. Говорят по очереди. Света Овчаренко говорит:

— Пионеры! Мы не забыли – сегодня День Конституции. Немцы запрещают праздновать, но мы не боимся.

— Мы не боимся, – повторяют все.

9 декабря звено собралось снова.

«9 декабря 1942 года. В яру было собрание. Нашу звездочку украсили елками, которых наломали. Все сидели на портфелях. Лиля писала. Книгу Горького «Мать»

мы читали и обсуждали, как рабочие пошли на демонстрацию, как они стойко держались на допросе. Я надела под свитер красный галстук. Когда пошли на Проект за газетой, которая была там повешена, то мы ее нашли в целости. Под ней была приписка: «Девки, не попадитесь».

Они испугались. И вместе с тем обрадовались ужасно. Значит, газету прочли... Но кто же это их предупреждал об опасности? Старый дед, который их гнал, когда они слишком долго возились со щепками? Или мальчишки из их класса? В школе они сидели после этого как на горячих углях. Несколько дней они нигде и никак себя не проявляли. Потом Лиля нашла у себя портрет Энгельса. Валя вырезала из старого букваря маленький портрет Калинина. Они все это расклеили на улице. Потом стали переписывать и распространять песню «Облава». Вот она:

На траву легла роса густая,
Поплыли туманы по низам.
В эту ночь решили полицаи
Совершить облаву по дворам...

Девочки и сами однажды попали в облаву. Света Овчаренко записала: «Иду, вдруг шум – все бегут с базара: облава! Хватают детей тринадцати лет, женщин с детьми, молодежь».

И еще Света записала: «Иду на менку с мамой. На Алексеевке пленные за проволокой, голодные. Немцы смеются, твари! Тут же и полицаи, продажные шкуры. Тетка попыталась дать красноармейцам макухи, не позволили, твари. Идем дальше. В Дергачах повесили двух мужчин. Вешали на моих глазах. Женщины плакали. Больше ничего не помню. Твари!»

Ожесточалось детское сердце. А тут еще в школе новость.

Из дневника Гали Шереметьевой: «Немка нам сказала: кто в школе скажет русское слово – штраф 20 копеек. Так я ей их и дам! Слов хоть 1000 скажу, а на штраф дулю покажу».

И тогда они решили выпустить специальную листовку с карикатурами под названием «Немецкое зеркало». Они написали ее на украинском языке. Цветными карандашами нарисована свирепая морда гестаповца. Потом учительница-немка. Надпись: «Взятка с детей». Немка говорит: «Дети! Кто из вас в нашей немецкой школе будет говорить по-русски, с того штраф». Еще нарисован немец с кровавым топором, с факелом, рядом – горящая хата.

Так протестовали дети против насилия немецко-фашистских захватчиков. Они не хотели быть рабами. Ревниво хранили они свою тайну, и тайна эта согревала их озябшие души. Ни учителя, ни матери не знали о существовании пионерского звена.

Дети приносили тайком цветы на могилы неизвестных бойцов. Однажды здесь застал немец Галю Шереметьеву и бил ее молча по лицу.

...Какое счастье, что немецкие палачи не выследили этих детей! Страшно подумать, что бы с ними сделали!

Но вот они! Живы... Родные, бесценные наши ребята! И красные галстуки у них теперь не под платьем! И щеки чуть порозовели. Кареглазая, худенькая и нервная Светлана в ушанке, в заплатанной шубейке, из которой она выросла за эти два года... Круглолицая и застенчивая Галя с огромными, чистыми глазами. Маленькая, смешливая Валя... Лили нет – она уехала в другой город.

Обыкновенные девчонки, с тонкими голосами, с маленькими руками, которые они прячут, потому что в чернилах...

Не прячьте, девочки, руки! Крепко пожмет их каждый взрослый гражданин Советского Союза, каждый воин – солдат, офицер, генерал, маршал.

Публикуется по: **Кононенко, Елена**. Подпольное звено: [Текст] / Е. Кононенко // **Смена комсомола**: документы, воспоминания, материалы по истории Всесоюзной пионерской организации имени Ленина (1917 – 1962). – М., 1974. – С. 219 – 221.